

речей. Той же цели служила и попытка создать впечатление, что коренные теоретические и философские понятия, такие, например, как причинность, должны уступить место другим, в частности представлению о функциональной зависимости явлений⁶. Нет сомнения, что концепция функциональной зависимости (основное и, кстати сказать, весьма слабо разработанное, как это ни странно, понятие в доктрине функционализма) заимствовано именно из позитивистской философии. Едва ли будет ошибкой сказать, что вообще зависимость британской социальной антропологии от различных философских систем, в особенности от английской буржуазной философии (логического позитивизма, лингвистической философии⁷) является более тесной, чем принято думать, и выяснение этой зависимости может стать существенным аспектом при изучении истории теоретической этнографической мысли.

Сходные замечания следует высказать и относительно изложения в рецензируемой книге структуралистского этапа развития британской социальной антропологии. В данном случае бесполезно вспомнить как о швейцарском лингвисте Ф. де Соссюре, так и о других ученых, трудившихся в области языкознания, фольклористики и этнографии (деятели общества по изучению поэтического языка в Петрограде, Пражском лингвистическом кружке и др.). Очень интересны и продуктивны структурные исследования советского фольклориста В. Я. Проппа, оказавшие определенное влияние на развитие науки в западноевропейских странах. Особенно важно подчеркнуть, что большинство из этих исследователей принадлежало к прогрессивному направлению в науке (в отличие от А. Р. Рэдклифф-Брауна и его последователей, придерживавшихся весьма консервативных взглядов).

Высказанные соображения, конечно, ни в какой степени не меняют того благоприятного впечатления, которое складывается в результате чтения книги Е. А. Веселкина. Он поставил перед собой относительно узкую задачу и хорошо с нею справился. И если мы позволили себе обратить внимание на желательность более широкого взгляда на обсуждаемую проблему, то сделали это лишь в надежде, что такое расширение будет способствовать дальнейшей плодотворной работе автора.

В. В. Пименов

R. W. Bulliet. *The camel and the wheel*, Cambridge, 1975, 327 pp.

Вопрос о соотношении этнических и хозяйственных традиций имеет особое значение для исследователей, занимающихся проблемами этногенеза. В чем проявляется этническая специфика: в своеобразии способа ведения хозяйства, в деталях орудий труда, в навыках работы этими орудиями или в видовом составе фауны и флоры, с которыми люди имеют дело? Все эти вопросы особенно остро встали перед участниками проходившей на страницах журнала «Советская этнография» дискуссии об агроэтнографии. В ходе дискуссии стало ясно, как необходим поиск исторических корней того или иного хозяйственного комплекса или его отдельных элементов. Именно к такого рода исследованиям и относится рецензируемая книга Ричарда Бальета, в которой автор попытался выявить историческую роль верблюдоводства, проследившая его историю на протяжении нескольких тысячелетий.

В главе I исследуется вопрос о соотношении использования транспортного верблюда и повозки у народов Передней Азии и Северной Африки в древности. Анализируя письменные и изобразительные источники, а также данные языкознания, автор показывает, что для мусульманского мира Передней Азии и Северной Африки в эпоху средневековья повозка была нетипична в отличие от более раннего периода, и приходит к выводу о вытеснении повозки верблюдом на протяжении I тысячелетия н. э. Это, как считает автор, совершилось по двум причинам. Во-первых, верблюд, не требовавший дорог и дорогостоящей сбруи, оказался более экономичным средством передвижения. Во-вторых, с распространением кавалерии и исчезновением колесниц передвижение в повозке стало анахронизмом. На фоне бесконечных войн, приведших к упадку римской системы дорог, оба фактора стимулировали исчезновение колесного транспорта.

Таким образом, уже в начале I тысячелетия н. э. имелись культурные стимулы для перехода к транспортному верблюдоводству, который завершился в условиях арабского завоевания. Тем самым автор убедительно демонстрирует отсутствие жестко детерминированных связей между культурой и природной средой, поскольку важнейшие изменения в транспортных средствах произошли в однородных природных условиях.

Глава 2 посвящена проблеме происхождения одногорбого домашнего верблюда (дромедара). Она предваряется краткой характеристикой процесса возникновения, эволюции и расселения верблюдовых. Этот процесс еще плохо изучен, что неизбежно делает ряд выводов автора гипотетическими. Как бы то ни было, можно согласиться с ним в том, что в период неолита дромедар был широко представлен в Аравии, тогда как в Месопотамии, Анатолии и других районах Передней Азии он если и встречался, то редко.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 470—471.

⁷ См., например: Морис Корнфорт. В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма. М., 1951; его же. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968.

Проблема domestikации дромедара пока не исследована, так как она слабо освещена в источниках. Р. Баллет пытается реконструировать этот процесс с помощью комплексного археолого-этнографического метода. Указывая на примитивность верблюдоводства в Сомали, он считает невозможным проникновение его сюда с севера, где, судя по древним наскальным изображениям, оно уже в ранний период было более развитым. Поэтому, по мнению автора, верблюдоводство попало на Рог Африки непосредственно из Южной Аравии до того, как оно проникло в более северные области. Для установления хронологии этого процесса автор анализирует наскальные изображения Сомали и о. Сокотры и приходит к выводу, что домашний верблюд существовал там уже во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. Следовательно, в Аравии его одомашнили еще раньше, однако осуществили это не северо-аравийские скотоводы. Автор пытается доказать этот тезис на материалах арабского фольклора, находя в нем воспоминания о тех временах, когда арабы северных окраин пустыни контактировали с иноязычными верблюдоводами. Действительно, если верблюд был одомашнен в Южной Аравии до XVI в. до н. э., то это было сделано не семитами, которых в тот период в этом районе еще не было. Недавно в Юго-Восточной Аравии были обнаружены поселения рыболовов III тысячелетия до н. э., обитатели которых иногда охотились на диких верблюдов. Именно эти рыболовы и мореплаватели, по мнению автора, и одомашнили дромедара приблизительно в первой половине III тысячелетия до н. э.

Анализируя приведенную систему аргументации, нетрудно увидеть ряд ее очевидных слабостей. Не останавливаясь на них подробно, надо заметить, что, во-первых, современная система верблюдоводства Сомали, как и любая другая, является продуктом исторического развития, а ее «архаизм» мог возникнуть как в процессе адаптации хозяйства к условиям среды, так и в ходе заимствования, при котором совершилась утеря ряда навыков (ведь собственно сомали попали на Рог Африки сравнительно недавно). Об относительности этого «архаизма» свидетельствует сам автор, указывая на наличие у сомали особой специализированной молочной породы верблюдов (стр. 288, прим. 59). Во-вторых, изученность наскальных изображений Рога Африки, не говоря уже об их датировке, оставляет желать лучшего, что делает весьма шаткими заключения автора о хронологии раннего этапа распространения домашнего дромедара. Наконец, в-третьих, возможность domestikации верблюда рыболовами вызывает сомнение, так как в условиях хозяйства, основанного на рыболовстве и в особенности на морском промысле, как правило, не возникает стимулов к domestikации животных. Кроме того, вопреки мнению автора (стр. 38, 49), доение верблюда не могло привести к его одомашниванию, так как молочное хозяйство возникает лишь как последствие развития животноводства. А поскольку мясное использование верблюда невыгодно, потому что он медленно размножается, картина domestikации, нарисованная автором, становится весьма условной, тем более что его оригинальное предположение о переходе мореплавателей к кочевому скотоводству нуждается в дополнительной аргументации. Все это не позволяет вместе с автором отвергнуть возможность domestikации дромедара скотоводами.

Главы 3—5 посвящены истории становления и развития верблюдоводства в Передней Азии и Северной Африке. Рассматривая ряд немногочисленных свидетельств того, что верблюд был известен в III—II тысячелетиях до н. э. в Египте, Сирии, Леванте вплоть до Греции, автор справедливо замечает, что знакомство с домашним верблюдом и его разведение — вещи разные. Он считает, что экспансия верблюда из Аравии на север была последствием торговли благоволиями, которая могла осуществляться между Сирией и Аравией только с помощью караванов. С возникновением караванной торговли особое значение получила транспортная функция верблюда, появилось «южноаравийское» седло для верховой езды, расположенное позади горба (II — первая половина I тысячелетия до н. э.). Семиты, осуществлявшие караванную торговлю, долгое время получали верблюдов из Аравии и лишь много позже сами начали их разводить.

Как отмечает автор, в ассирийских источниках XI—X в. до н. э. упоминаются в основном бактрианы. Дромедары попали к ассирийцам в VIII в. до н. э. В это время появилось новое седло, перекрывающее горб, обложенный мягкими подушками. Оно использовалось ассирийцами и персами, как правило, для военных целей.

На протяжении I тысячелетия до н. э. роль верблюдоводов в Передней Азии постепенно росла. Мелкие разрозненные группы, характерные для начала этого периода, ко второй его половине стали серьезной военной силой, способной регулировать караванную торговлю. По мнению автора, этому процессу во многом способствовало изобретение североаравийского седла, состоящего из твердой рамы, перекрывающей горб. В то же время сам автор подчеркивает, что по боевым качествам верблюд уступал лошади, вследствие чего в Сирии и Северной Аравии лошадь до сих пор пользуется большим уважением, чем верблюд. Лошадей местные арабы получали у оседлых земледельцев. К сожалению, причины отсутствия у арабов коневодства автор не рассматривает.

Как бы то ни было, на рубеже новой эры арабы установили контроль над караванной торговлей. Вначале центр их могущества располагался в Петре, потом в Пальмире, а после их разгрома Римом переместился в Мекку. Таким образом, на протяжении I тысячелетия до н. э. — первых веков нашей эры арабская культура стала неотъемлемой частью переднеазиатского общества.

Соглашаясь с Э. Демужео в том, что верблюд проник в Северную Африку двумя путями: северным, вдоль средиземноморского побережья, и южным, по южной кромке

Сахары, автор основную роль отводит второму пути. Местная domestикация верблюда совершилась не могла, ибо в Африке в неолите диких верблюдов не водилось. Начало верблюдоводству в египетской пустыне положило развитие караванной торговли, которое в II—I вв. до н. э. привело к появлению здесь племен верблюдоводов. Уже в III в. н. э. набеги верблюдоводов беджа беспокоили земледельцев Нила. Автор предполагает, что проникновение верблюдоводства в Верхний Египет шло скорее посредством заимствования, нежели миграции. С распространением его в Южную Сахару там сформировалось новое верховое седло, располагавшееся перед горбом. Верблюд, лучше приспособленный к местной природной среде, вытеснил лошадь в качестве транспортного животного.

Иной характер получило использование верблюда в Римской Африке (Тунис и Триполитания), где его запрягали в плуг и в повозку, поскольку местное население издавна испытывало нужду в тягловых животных.

Материалы, собранные автором в рассмотренных главах, представляют исключительный интерес. Они свидетельствуют о том, что верблюдоводство (разведение дромедаров), возникшее в Аравии, постепенно распространилось по огромному ареалу, причем процесс этот выражался как в миграции верблюдоводов в новые районы, так и в передаче другим народам навыков обращения с дромедаром. Техника верблюдоводства и методы использования верблюда постоянно совершенствовались, причем в разных районах их эволюция протекала по-разному. Тем самым на базе верблюдоводства, восходящего в конечном счете к одному источнику, происходило сложение различных хозяйственно-культурных типов. Значение этого вывода трудно переоценить, в особенности если вспомнить историю сложения оленеводства, различные варианты которого также, по-видимому, восходят к единому источнику.

В главе 6 исследуется проблема domestикации бактриана, еще очень мало изученная. Не известен ни район обитания диких бактрианов, ни процесс их одомашнивания. Опираясь на находки статуэток бронзового века в Южной Туркмении, автор склоняется к мысли о том, что domestикация бактриана произошла на границе Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении до середины III тысячелетия до н. э. В пользу этого говорит также и не учтенный им костный материал с поселений Южной Туркмении, где, по мнению советских остеологов, домашний верблюд имелся уже в IV или III тысячелетии до н. э.¹ Правда, В. И. Цалкин, указывая на полное отсутствие здесь верблюда в мезолите и неолите, считал, что домашний бактриан был приведен сюда извне. В свете данных о том, что в северных районах Средней Азии домашний верблюд появился лишь во второй половине II тысячелетия до н. э.², его происхождение и сейчас остается загадочным, несмотря на то, что, как выяснилось, с верблюдом было знакомо еще население позднего неолита Северной Туркмении³.

Как бы то ни было, можно согласиться с автором в том, что бактриана с самого начала разводили в небольшом количестве скотоводы, которые удовлетворяли свои основные потребности главным образом за счет других домашних животных. Прийдя в Иран, индоевропейцы заимствовали бактриана и вслед за своими предшественниками стали использовать его для транспортных целей. Во II—I тысячелетия до н. э. бактриан распространился от Месопотамии и степей Северного Причерноморья до Монголии. Позже эта область резко сократилась, и ныне бактрианов разводят лишь на востоке Средней Азии и в Монголии. Отмечая этот факт, автор недостаточно четко проводит мысль о том, что область встречаемости бактриана не всегда совпадала с районом его разведения. Ведь верблюд мог проникнуть далеко за пределы последнего в качестве дани, в составе караванов и т. д.

Вытеснение бактрианов дромедарами, отмечает автор, началось с развитием караванной торговли на востоке, стимулированной открытием Великого шелкового пути. Начиная с I тысячелетия н. э. бактрианов в Передней Азии держали уже в основном для гибридизации с дромедарами, ибо была обнаружена исключительная выносливость этих гибридов. Экспансию дромедаров автор объясняет универсальностью их использования и подъемом арабской культуры. С арабами вынуждены были считаться уже Сасаниды, и именно в сасанидский период дромедар проник далеко на восток. Его проникновение в новые места было облегчено выведением более холодолюбивой породы одногорбого верблюда. Таким образом, и здесь, решая проблемы эволюции верблюдоводства, автор совершенно справедливо делает акцент на культурно-исторической обстановке, в условиях которой проходила эта эволюция.

В главе 7 анализируются возможности верблюда как тяглового животного. Если бактриан чуть ли не с самого начала перехода в домашнее состояние использовался в упряжке, то дромедара начали запрягать очень поздно. Автор объясняет это тем, что

¹ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Средней Азии.— «Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биол.», 1970, т. 75, вып. 1, с. 156, 157; вып. 2, с. 135; Н. М. Ермолова. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— «Каракумские древности», вып. 3, 1970, с. 226, 227.

² Е. Е. Кузьмина. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема domestикации бактрианов.— «Сов. археология», 1963, № 2, с. 40; М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977, с. 189.

³ А. В. Виноградов. Работы на могильнике Тумек Кичиджик в Северной Туркмении.— «Археологические открытия». М., 1974, с. 500.

древний способ запряжки был неподходящим для дромедара. Анализируя эволюцию упряжки, Р. Баллет приходит к выводу, что вначале она была парной, а одиночная сменила ее лишь в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. При этом он опирается на сообщения древних авторов, считая, что глиняные статуэтки III тысячелетия до н. э., изображающие одиночную запряжку, не отражают реальной картины. Трудно безоговорочно принять эти соображения из-за скудности данных, которые, кроме того, являются разновременными и относятся к самым разным культурам.

Распространение современного типа упряжи началось лишь со второй половины I тысячелетия н. э. Она-то и позволила впрягать в повозки дромедаров, как это делали в Индии эпохи Акбара. В более раннее время их запрягали только в Тунисе, Триполитании и Юго-Западной Аравии, причем анализ происходящих оттуда материалов привел автора к заключению о том, что в Римской Африке современный способ упряжи был изобретен самостоятельно, а не заимствован с востока, вопреки общепринятому мнению. Он выдвигает гипотезу, согласно которой именно из Африки, а не из Азии этот вид упряжи проник в Европу. Нарисованная автором картина вряд ли может считаться окончательной, так как ряд реконструированных им стадий эволюции упряжи остается в значительной мере гипотетическим из-за малочисленности данных. Вместе с тем большого внимания заслуживает комплексный метод исследования, примененный автором, метод, без которого реконструкции подобного рода представляются немислимыми.

Большой интерес вызывает проблема культурных последствий развития транспортного верблюдоводства, рассмотренная в главе 8. Особого внимания заслуживает попытка автора выявить влияние верблюдоводства на материальную и духовную культуру верблюдоводов и их соседей. Исследования подобного рода очень важны, поскольку только они могут дать ключ к пониманию сложного процесса формирования хозяйственно-культурных типов. Вместе с тем автор порой допускает некоторые преувеличения. Так, например, вряд ли следует вслед за ним объяснять исчезновение повозок неправильную планировку средневековых арабских городов с их узкими запутанными улочками, ибо тот же облик имели и средневековые города Средней Азии, где колесный транспорт сохранился.

На примере Испании, Анатолии и Индии автор рассматривает соотношение технико-экономических и этнических факторов в эволюции транспорта и приходит к выводу о том, что его развитие определялось факторами первого рода. Верно отражая общую тенденцию, этот вывод, однако, чересчур категоричен. Его можно было бы смягчить, допустив некоторое влияние этнического фактора, которое, по данным автора, отчетливо выявляется, с одной стороны, в том, что у арабов за тысячелетия господства вьючного верблюда возникло предубеждение против колесного транспорта, тогда как у тюрок, с другой стороны, повозки не исчезли и после знакомства с дромедаром.

Известный интерес представляет приведенная в главе 9 сводка данных о попытках использования верблюда в новое время в рамках капиталистического хозяйства. Как правило, они заканчивались неудачей либо из-за неспособности верблюда к местной среде, либо из-за неблагоприятной исторической ситуации. Лишь в засушливых районах Австралии, где имелись серьезные транспортные затруднения, верблюдоводство временно привилось.

Таким образом, и в новое время основными факторами, влияющими на распространение верблюдоводства, оставались экологические и культурно-исторические. Этот вывод имеет важное методологическое значение и помогает понять некоторые закономерности процесса распространения домашних животных в древности.

В заключительной, 10 главе автор анализирует перспективы дальнейшего развития верблюдоводства.

Рецензируемая монография представляет большой научный интерес и привлекает прежде всего своим строго выдержанным конкретно-историческим подходом. Значение выводов, к которым пришел автор, зачастую выходит далеко за рамки рассматриваемой им проблематики. Действительно, многие закономерности, выявленные при анализе вопросов становления и развития верблюдоводства, встречаются также и в истории многих других культурных достижений.

Работа Р. Бальета, разумеется, не лишена недостатков, что неизбежно для исследования столь широкого охвата. Большинство из них уже обсуждалось выше. В дополнение к ним надо отметить, что автор далеко не всегда проводит разграничение между арабской культурой и культурой арабов-кочевников, часто смешивая эти понятия. Он обходит проблему возникновения кочевничества, рассмотрение которой могло бы пролить свет на ряд спорных и малоизученных моментов в истории раннего верблюдоводства. Не объясняет он и того, почему дромедар вытеснил колесный транспорт именно тогда, когда была выработана упряжь, подходящая для его тягового использования.

Библиографию, предложенную автором, можно дополнить интересной, хотя и небесспорной в ряде положений статьей М. Рипински⁴.

В. А. Шнирельман

⁴ М. М. Ripinsky. The camel in ancient Arabia.— «Antiquity», 1975, vol. 49, № 196, p. 295—297.